

Глава 291: Если бы жизнь могла быть, как тот момент, когда мы впервые встретились (Часть IV)

Пока она стояла на островке камышей и смотрела в безграничную равнину, лицо Нанькэ не выдавало и капли эмоций. Ее глаза были безразличными, даже немного глуповатыми на вид, что было типичным для нее. Лишь пара дрожащих рук у ее юбки говорила о том, насколько обессиленной она была, и как сильно ее разозлил успешный побег Чэнь Чаншэна.

В пространстве над равниной были видны десятки белых шрамов. Это были последствия тиранически могущественных Перьев Павлина, которые почти разорвали пространство. За такое короткое время она успешно выпустила так много атак против Чэнь Чаншэна. Не удивительно, что ее лицо было таким бледным, учитывая, как много истинной эссенции она израсходовала.

Если бы это была нормальная ситуация, Чэнь Чаншэн, отделенный от нее несколькими десятками метров, давно бы превратился в фарш. Но в наиболее таинственных равнинах Сада Чжоу определенно были непредсказуемые странности. Было очевидно, что пустое пространство в этой области было искаженным. Было совершенно невозможно с точностью соединить то, что было видно снаружи, с истиной. Ее атаки даже не смогли задеть рукава Чэнь Чаншэна.

Над морем травы и пучками камыша подул ветер, приводя ее волосы в еще больший беспорядок, как и ее разум. Ее грудь поднималась и опускалась, ее дыхание было очень грубым. Если посмотреть на нее сзади, легко можно было сказать, что она была на грани взрыва, или возможно, успокаивалась после взрыва. Старик с цитрой ничего не мог сказать, в то время, как две служанки даже не смели издавать звуков.

«Я хочу войти туда», - вдруг сказала Нанькэ, ее детский голос указывал, что она не примет отказа.

Конечно же, она знала, что решение точно принесет протест, хотя они и были ее самыми преданными подчиненными.

Как и ожидалось, старик с цитрой был сильно встревожен ее словами и сказал без колебаний: «Безусловно нет».

Нанькэ подняла брови и нетерпеливо спросила: «И почему нет?»

Старик с цитрой повернулся к восхитительно пышной и красивой равнине, и довольно нервно ответил: «С того дня, как Сад Чжоу открылся, никто не смог покинуть эти равнины».

Нанькэ бесстрастно ответила: «Другие люди, не я».

Старик отказывался отступать и сказал: «Даже Ваше Высочество перед лицом этих равнин не будет представлять ничего особенного».

Нанькэ подняла правую руку, формируя черный занавес перед ней. Она уставилась на слабые лампы жизни, которые перескакивали по занавесу, сказав: «Если мы хотим обсудить знания Сада Чжоу, то на всем континенте никто не может превзойти моего учителя. При помощи Учителя у меня есть способ покинуть равнину».

Услышав эти слова, старик был вынужден размышлять в тишине некоторое время. Этот план демонов относительно Сада Чжоу в основном полагался на понимание сада Черной Робы. До

этого дня кто мог представить, что существуют другие врата в Сад Чжоу помимо основных? И кто бы мог подумать, что Черная Роба контролировал эти врата? Когда они следовали за лампами жизни, чтобы обнаружить этих молодых гениев, которые были их целью, они больше и больше понимали распоряжения Черной Робы, и почтение старика с цитрой к нему становилось все глубже, и он все более чувствовал, что Черная Роба был непредсказуемым. Он обнаружил, что не может опровергнуть слова Нанькэ, и даже сам поверил в них.

«Только... зачем вам входить в равнины? Сюй Южун и трое других уже вошли в равнины, поэтому им не представляется возможным покинуть их».

«Сюй Южун сейчас вместе с Чэнь Чаншэном. Из-за этого я чувствую себя тревожно. Не забывай, одна из них - реинкарнация Небесного Феникса, а второй - еще год назад не знал, как культивировать, и уже достиг верхнего уровня Неземного Открытия. Все человечество считает их существование чудом. Кто знает? Возможно, если они будут работать вместе, то действительно произведут какое-то чудо. Я хочу войти в равнины. Если они умудрятся произвести новое чудо, я буду там, чтобы лично втоптать его в грязь».

Нанькэ подумала про себя, что они должны умереть, особенно Чэнь Чаншэн.

Видя, насколько стойкой была ее решимость, старик с цитрой не говорил ничего более. Он со вздохом достал цитру, которую отремонтировал лишь этим утром, и начал наигрывать мелодию.

Когда песня цитры достигла равнины, из сорняков, которые были ростом с человека, послышался слабый плачущий звук, но было загадкой то, что производило его.

Этот старик происходил из племени Шаманов Теневой Свечи и был искусен в атаке и контроле духовных сущностей. До определенной степени звук цитры даже мог контролировать, или, по крайней мере, прогнать монстров низкого ранга. Хотя этот звук не мог повлиять на действительно могущественных монстров, он делал путешествие по этой равнине гораздо более простым. Черная Роба, естественно, имел это в виду, когда распорядился, чтобы он вошел в Сад Чжоу с Нанькэ.

Большая часть уверенности Нанькэ пришла от ее абсолютной веры в ее учителя. Она тоже боялась этих обширных и непостижимых равнин, вот почему в самом начале, когда она преследовала Сюй Южун, или даже при столкновении с Чэнь Чаншэном несколько минут назад, всегда контролировала свои эмоции. Так было потому, что она не хотела, чтобы ее противники считали, что они были загнаны в угол, и сбежали в равнины. Однако, сейчас Чэнь Чаншэн уже внес Сюй Южун внутрь.

Мелодия цитры не только изгоняла монстров, это также было призывом. Вскоре послышались тяжелые шаги. Лю Вань'эр и Тэн Сяомин с котелком и коромыслом прибыли. К этой паре Генералов Демонов выражение лица Нанькэ было более уважительным. Она медленно уведомила их о своей решимости.

Пара Генералов Демонов молчала некоторое время, и использовала это продолжительное молчание, чтобы сообщить о своем согласии. В сопровождении мягкой мелодии цитры и звуков воды, группа экспертов демонов прошла через камыши и вошла в равнины. В этой безграничной равнине не было леса, но в отношении этого преследования и битвы, в отношении жертвы и охотника, они столкнутся с теми же опасностями.

Было много легенд об обширных и непостижимых равнинах, но никто из вошедших в нее не выжил, чтобы рассказать свою историю, легенды, естественно, воспринимались с крупницей

соли. Более того, большая части историй была просто слишком абсурдной - лишь те, кто действительно входил в эти равнины, знал, что лежало внутри, аналогично тому, как лишь тот, кто лично попробовал перец, знал, что это не яд, и чувство жжения после него - это не огонь.

Неся Ци Цзянь, Чжэсю уже шел по этим равнинам один день и одну ночь, но у них все еще не было живой картины этого места. Они лишь знали, что перед их глазами была трава, сзади была трава, везде была трава. Только когда наступил день, они осознали, что твердая земля под их ногами встречалась все реже, а пруды воды под травой росли в количестве, земля аналогична становилась все более мягкой.

Равнины постепенно сменились болотом. Ходьба в этом окружении становилась все более напряженной. Хотя там не было комаров, количество монстров, скрытых в траве, обильно росло. Как только утреннее солнце полностью осветило болота, группа монстров больше не могла сопротивляться свежей еде. Они проигнорировали могущественную ауру, которая исходила от Чжэсю, и напали на них.

На мгновение клочки травы подлетели вверх, и лужи воды разлетелись во все стороны, пока непрерывно проливалась кровь монстров. Лишь после того, как трупы нескольких монстров растянулись на земле, эта группа монстров убежала, поджав хвост.

Чжэсю с помощью своей руки срубил траву, собирая ее в охапку на мокрой земле. После того, как он помог Ци Цзянь присесть, он сел, скрестив ноги, и начал медитировать и гармонизировать свое дыхание. От начала этой битвы и до ее конца он был единственным, кто сражался. Без сомнений можно сказать, что это лишило его сил, но яд Пера Павлина, подавленный истинной эссенцией под его глазами, казалось, вновь начал разъедать его море сознания, поэтому он должен был позаботиться о нем.

Ци Цзянь прислонилась к грубой траве, ее лицо оставалось бледным, и она выглядела, как черный труп змеи без чешуи.

Ее ранения были серьезными. Засада Ляна Сяося у берега была слишком жестокой. Не только он пронзил ее живот, он направил истинную эссенцию через меч и разорвал два важных меридиана, в то же время оставляя рану на ее внутренних органах, с которой было сложно справиться. Хотя кровотечение стало слабее, оно не прекратилось.

Получив такое серьезное ранение, она даже не могла стоять, что уж говорить об участии в бою. Она лишь могла позволить Чжэсю нести себя, пока он шел, и лишь смотреть, как Чжэсю прогонял ужасающих монстров, сражаясь, крича, с болью, без слов. Это заставило ее чувствовать себя очень неудобно. Она чувствовала себя, как мешок мусора. Чжэсю в настоящий момент был слепым, но все же продолжал защищать ее.

Когда прошло неопределенное время, Чжэсю очнулся. Не открывая глаз, он медленно приблизился к Ци Цзянь. Было очевидно, что после дня и ночи он привык к факту, что не мог видеть. Он схватил запястье Ци Цзянь и прислушался к пульсу, после чего достал пилюлю и положил ее в рот Ци Цзянь.

Из-за того, что он не мог видеть, когда он передавал лекарство, его палец коснулся губ Ци Цзянь.

Губы Ци Цзянь были немного сухими, и на них было немного трещин, вызванных жаждой и сухостью, но они все же чувствовались довольно мягкими. Это заставило Чжэсю напрячься, и он вдруг сказал: «Все было бы в порядке, если бы Чэнь Чаншэн был здесь».

Это была попытка начать разговор, но Ци Цзянь не могла понять и спросила: «Почему?»

Лишь после этого Чжэсю осознал, что Ци Цзянь не беспокоило то, что палец Чжэсю коснулся ее губ. После паузы он ответил: «Его медицинские навыки превосходны. Даже если бы он не смог справиться с ядом во мне, он мог бы помочь с твоей раной».

Ци Цзянь было довольно интересно узнать больше об Ортодоксальной Академии, но сейчас явно было не время для разговора. Дав свое согласие, она больше не говорила. Лишь если она не будет говорить, она сможет потратить все время и энергию на восстановление ее силы и истинной эссенции.

Чжэсю понимал это и закрыл глаза, возвращаясь к медитации - только в этот раз он сидел рядом с Ци Цзянь. Ци Цзянь лишь потребовалось открыть глаза, чтобы увидеть профиль его лица.

Во время этого путешествия она уже слишком много спала, до такой степени, что даже забыла давать указания Чжэсю. Конечно же, в этой безграничной равнине, в которой перёд и назад не имели значений, действительно не было необходимости в направлении. Тем не менее, она так долго спала, что хоть и была слишком слабой, не хотела отдыхать и не хотела закрывать глаза.

Она открыла свои ясные и яркие глаза и спокойно смотрела на профиль Чжэсю. Кто знал, о чем она думала, но чем больше она смотрела, тем более очарованной она становилась.

Чжэсю был рожден с обычной внешностью, в его лице не было ничего особенного. Кроме безразличия и нехватки эмоций, в его лице не было ничего особенного. Он казался худым и слабым юношей. Но кто мог представить, что его худое и слабое тело в действительности скрывало ужасающую силу и невообразимо стойкую волю? Особенно когда он превращался, он порождал страх, который был несравним с его культивацией.

Маленькое лицо Ци Цзянь было наполнено восхищением, когда она смотрела на юношу.